

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Классика исторической
антропологии 70 – 80-х годов
(избранные работы)

Книга: Историческая антропология

Лекция: Классика исторической антропологии 70 – 80-х годов (избранные работы)

Автор лекции: Алия Масалимова

Цель: проанализировать работы представителей четырех национальных школ: Эмманюэля Ле Руа Ладюри, Карло Гинзбурга, Натали З.Дэвис и Питера Берка, повлиявших на формирование объекта и предмета современной исторической антропологии и родственного ей направления – микроистории.

Назвав раздел своей книги, как «классика исторической антропологии, ее автор М. Кром делает оговорку, что в сущности употребление понятия “классика” весьма условно и субъективно.

Но поскольку слово «классика» подразумевает в широком смысле нечто «показательное, характерное, типичное», то считаем правомерным выбор именно этих исследований четырех авторов, чьи произведения претендуют на это «высокое звание».

Безусловно, в 70-80-е годы именно работы французского ученого Эммануэля Ле Руа Ладюри, итальянца Карло Гинзбурга, американки Натали З. Дэвис и британца Питера Берка стали наиболее известными, явили собой хрестоматийные образцы нового подхода к изучению прошлого и повлияли на формирование современной исторической антропологии и родственного ей направления – микроистории.

Следует отметить, что произведения всех авторов, за исключением Питера Берка, не содержали какой-либо готовой теоретической программы. И именно этот фактор, по мнению аналитиков, обеспечил успех этим книгам, так как позволил другим ученым делать широкие методологические обобщения.

Немаловажным обстоятельством является то, что эти историки представители четырех национальных школ - французской, итальянской, американской и британской. И это лишний раз подтверждает международный характер исторической антропологии.

Аналитический обзор начнем с очень известной книги Эмманюэля Ле Руа Ладюри “Монтайю, окситанская деревня с 1294 по 1324 г.”. Первое издание, вышедшее в 1975 г., сразу же стало настоящей сенсацией. высокую оценку ей дали как специалисты-историки, так и широкая читательская аудитория. Рецензенты восторженно восхваляли и давали положительные отзывы, тому свидетельство - один из эпитетов - “шедевр этнографической истории”.

О чем же это книга, которая произвела настоящий фурор в ученом мире? Автор задался целью воссоздать и подробно описать жизненный мир одной деревни в Аквитании на протяжении одного поколения, с конца XIII по начало XIV в. Уникальность исследования в том, что все описания были сделаны на основе сохранившихся протоколов допросов жителей этой деревни епископом г. Памье Жаком Фурнье.

Сами допросы проводились в период с 1318 по 1325 гг. инквизицией на предмет выявления альбигойской ереси. Эти протоколы допросов отличались скрупулезностью составленных вопросов и свидетельствовали о дотошности инквизиторов. В общей сложности за этот период были составлены протоколы 478 допросов. И именно они позволили историку «рассмотреть» крестьянскую жизнь во всех деталях.

Книга состоит из двух больших разделов.

Первая часть называется “Экология Монтайю: дом и пастух.» Автор знакомит читателей с социально-культурной обстановкой, в которой жило население этой пиренейской деревни, в то время оно составляло примерно 200-250 человек. Вместе с тем подробно излагаются особенности природно-климатических условий, характера земледелия и ведения скотоводства, социальной структуры и системы распределения власти.

По наблюдениям Леруа Ладюри, феодальный сеньор, а также Церковь в лице епископа находились вне маленького деревенского мира, иначе говоря, их влияние на жизнь местных крестьян практически не было заметно. Так называемая “классовая борьба”, противостояние знати и крестьянства на уровне горного селения, о котором идет речь, по существу никак себя не проявлялось. Но присутствовало соперничество между семейными кланами, или “домами” (ostals), именно оно и оказывало определяющее влияние на социально-культурные, экономические и другие отношения в деревне.

Вторая часть - самый большой раздел книги - назван “Археология Монтайю: от жеста к мифу”. В ней автор проводит исследование поведения и мировосприятия крестьян. Вниманию читателей расписана вся жизнь обитателей Монтайю, от самого рождения до смерти, включая сексуальные отношения, любовь и брак, работу и отдых, заботу о здоровье, общение в церкви и на вечерних “посиделках” (la veillée)...

Леруа Ладюри сумел реконструировать особенности восприятия жизни обитателями деревни разных возрастов. Французский исследователь, имея в распоряжении только лишь протоколы допросов, сделал описания религиозных верований жителей деревни, фольклора, представлений о времени и пространстве, природе и судьбе; о нормах поведения и их нарушении.

9. Комментируя это произведение, М. Кром, подчеркивает, что, используя описания на микроуровне, автор, тем не менее, достигает эффекта целостной или “тотальной” истории, реальная жизнь воссоздана

Книга: Историческая антропология

Лекция: Классика исторической антропологии 70 – 80-х годов (избранные работы)

Автор лекции: Алия Масалимова

во всем ее многообразии и сложности. В качестве метода изучения исследователь применяет этнологию.

Как этнолог, Ле Руа Ладюри, ограничивает объект изучения во времени и пространстве, и как бы расспрашивает крестьян об их жизни и на основе их “ответов” реконструирует все аспекты деревенского быта.

Уникальность, вся «соль» подхода исследователя заключается именно в словосочетании “как бы”. В отличие от этнолога, историк не имел возможности непосредственно наблюдать персонажей своей книги и вынужден был опираться на показания тех источников, которые были в его распоряжении, в нашем случае, протоколов инквизиции. Разумеется, сам стиль и смысл этих документов, составленных канцелярским языком, предназначался вовсе не для научных целей. Это в какой-то мере дает основание говорить о некоей ограниченности возможностей исторической антропологии, но, тем не менее, работы, подобные “Монтайю”, позволяют взглянуть на прошлое под новым углом зрения. Мотивируют исследователей пересмотреть многие стереотипные представления.

Одновременно с исследованием Э.Ле Руа Ладюри, вышла книга другого историка, американки Натали Земон Дэвис - под названием “Общество и культура во Франции начала нового времени”. Книга составлена в виде восьми очерков. Очерки представляют собой серию case studies, т.е. исследований отдельных “случаев”, объединенных общим социокультурным подходом.

В своих мини-рассказах автор раскрывает, как религия, культура и социальные процессы переплетались и взаимодействовали в жизни простых людей, французских горожан и крестьян, живших преимущественно в XVI в.

В своих исследованиях она поднимает проблемы взаимосвязи между лионскими печатниками и распространением в Лионе идей Реформации. Или же роль женщины в реформационном движении и почему менее образованные представительницы прекрасного пола из семей купцов и ремесленников откликались на призывы сторонников религиозной реформы, а образованные аристократки оставались равнодушны к этому?

Американская исследовательница уделяет больше внимания проблеме общественных изменений и конфликтов, подчеркивая стабильность и неизменность социальных и ментальных структур (*la longue durée*).

Проведенный американкой социокультурный анализ ближе всего к антропологии, это заметно в таких очерках как “Основания беспорядка” (*The Reasons of Misrule*) (гл. 4) и “Обряды насилия” (гл. 6).

В первом очерке Н.Дэвис пытается отыскать “порядок в беспорядке”. То есть найти ответы на вопросы: «Существовали какие-либо правила так называемых “королевств беспорядка”, учреждавшихся в день “праздника дураков”, и период карнавалов увеселений, когда весь мир переворачивался вверх дном? В чем был смысл шествий типа шаривари, участники которых высмеивали старых вдовцов, женившихся на молодых, или мужей-рогоносцев и т.п.?»

По заключению автора, подобные пародийные “аббатства” или “королевства” возникли сначала в деревнях и представляли собой группы молодежи, которые осуществляли своего рода моральный контроль над поведением сверстников, прежде всего, в сфере брачных и сексуальных отношений.

Что касается обычая шаривари, то он в гипертрофированной форме отражал реальные жизненные проблемы. А именно - брак вдовца с молодой девушкой, который, по мнению исследовательницы, означал для молодых парней потерю подходящей брачной пары, а в случае, если у вдовца еще была и дочь от первого брака, то она становилась в новой семье падчерицей.

Или же шутовские обряды, будучи перенесенными из деревни в город, имели свойства видоизменяться. К примеру, по праздникам в “аббатства” объединялись люди не только одной профессии, но и просто соседи.

В очерке “Обряды насилия” (*The Rites of Violence*) автор, описывая религиозные восстания 60-70-х годов XVI в. во Франции, подводит к выводу, что они вовсе не были беспорядочными действиями случайной толпы. Напротив, им была присуща определенная организация. Убийства и насилия были формой религиозного очищения от нечисти и скверны. И что интересно, начало волнений могли спровоцировать религиозные праздники и шествия, а восставший народ чувствовал себя увереннее, если среди них находился священник или королевский чиновник.

Следует отметить, что американские ученые активное участие в историко-антропологических исследованиях стали принимать только в 80-е годы. В это время выходят работы Линн Хант, Роберта Дарнтон и самая известная книга Натали Земон Дэвис - “Возвращение Мартена Герра”.

Оригинальный сюжет книги сразу же привлекает внимание историков. Молодой крестьянский парень,

Мартен Герр, покидает в 1548 г. родную деревню и исчезает на 12 лет. Во время его отсутствия некий авантюрист, Арно дю Тиль, встретивший когда-то Мартена во время его странствий, выдает себя за него, но при всей странности ситуации был принят родней Герра и его женой, Берtrandой де Ролс, с которой он благополучно живет несколько лет. Подозрения возникают намного позже, по прошествии нескольких лет. Начинаются судебные разбирательства, однако мнения земляков относительно подлинности “лже-Мартена” разделились, и только возвращение истинного Мартена Герра решает исход дела. Самозванец сознается в обмане, и затем его казнят.

Вся эта история выглядела бы не более, чем занятный случай, но здесь важна оригинальность подхода Н.З.Дэвис. Она сумела “описать” этот казус в контексте эпохи. Драма Мартена и Берtrandы разыгрывается на фоне реконструированной автором истории их семей, Герров и Ролсов. И еще одна выразительная деталь, которую приводит исследовательница. На суде несколько десятков жителей деревни, включая четырех сестер Мартена, не смогли распознать самозванца в человеке, выдававшем себя за их брата и земляка. И невольно возникает вопрос: «Какова же была мера индивидуальности человека в крестьянской среде XVI в.?»

Оригинальностью замысла отличается и следующая работа Натали Дэвис – “Беллетристика в архивах” (1987). Традиционно позитивистская историография считала, что архивные документы, в отличие от хроник и других нарративных источников – самые надежные и достоверные материалы. Но по мнению Н.Дэвис, обнаруженные во французских архивах копии королевских писем XVI в. о помиловании преступников, осужденных за убийство, содержат немалую долю художественного вымысла как результат совместного творчества самих осужденных и их адвокатов. Для исследователей и просто читателей представляет интерес, как составлялись подобные документы, что считалось “правдоподобным” в рассказе осужденного и способствовало получению прощения? Каковы были литературные нормы и приемы той эпохи – все это тщательно исследуется автором в сочетании с анализом французской юридической системы XVI в. и той роли, которую исполнял монарх в отправлении правосудия.

Как видно, американская исследовательница на основе не только архивных материалов, но и таких свидетельств, как письма, обряды и ритуалы, юридические нормы воссоздает дух французской культуры и истории 16 века. И, безусловно, демонстрирует оригинальность своего метода в изучении событий далекой давности.

Следующий представитель новой исследовательской традиции – итальянский историк Карло Гинзбург. Он уникален тем, что в течение нескольких десятков лет был верен одной лишь теме – изучению народной культуры и религии, в том числе магии и ведовства. В 1966 г. издается одна из его первых книг о “Добрых колдунах”, но, как мы уже знаем, всемирная известность приходит к Гинзбургу в 1976г. после выхода его книги “Сыр и черви. Космология мельника XVI в.”

В сюжетной основе этой работы – история образованного фриульского мельника Доменико Сканделла, по прозвищу Меноккио, составленная также на основании протоколов инквизиции. По замыслу Гинзбурга, этот рассказ был призван пролить свет на так называемую “народную культуру”.

Итальянский автор не стремится создать некий средний, типичный или собирательный образ человека из народа, а, напротив, индивидуализирует его. И наталкивает на мысль, что и один случай может быть репрезентативен. Исследователь выявляет скрытые возможности народной культуры, о которых мы и не догадывались из-за скудости источников.

Заслуга Гинзбурга в том, что он скрупулезно воссоздает факты биографии необычного мельника Доменико Сканделла с его рождения в 1532 г. до последнего ареста инквизицией и казни в 1600 г.

Будучи типичным представителем своего селения, тем не менее, мельник создал собственную теорию микрокосмоса, свою персональную религию, которую он, не скрывая, распространял среди жителей деревни с целью «открыть» им глаза на старые, уже отжившие представления, в значительной мере подавлявшие развитие средневековой деревни.

Мельник так излагает свою космогоническую теорию: «Я говорил, что мыслю и думаю так: сначала все было хаосом, и земля, и воздух, и вода, и огонь – все вперемежку. И все это сбилось в один комок, как сыр в молоке, и в нем возникли черви и эти черви были ангелы. И по воле святейшего владыки так возникли Бог и ангелы... Бог затем создал Адама и Еву и много других людей, чтобы заполнить места изгнанных ангелов. Но все они не исполняли его заповедей, и тогда Бог послал к ним своего сына, и евреи его схватили, и он был распят» – это, конечно, же не полная формулировка теории Меноккио.

По мнению всех окружающих, эти слова могли принадлежать сумасшедшему. Об этом и говорят судьи, пытаясь понять их суть. Гинзбург анализирует жизнь мельника, чтобы выявить источники возникновения

подобной космологии, которая идет в разрез с укладом жизни деревенского народа того времени. С этой целью исследователь ищет всех людей, с которыми когда-либо контактировал Меноккио, и изучает книги, которые возможно были им прочитаны. Показательно то, что мельник хотя и был уважаемым человеком, находился в некотором отчуждении от остальных жителей деревни. Он многим рассказывал свою теорию, и этим объясняется факт большого количества доносов на него в суд. И на основании отдельных упоминаний, обмолвок, рассеянным по протоколам допросов, итальянский ученый выявляет круг книг, которые читал его герой и сопоставляет с неортодоксальными выводами, к которым тот пришел.

В книге приводится описание Меноккио, как он себя характеризует: «Я плотничал, держал мельницу, держал трактир, школу счета и письма для ребятишек, на праздниках играю на гитаре». Он был по существу человеком с разносторонними интересами, и сей факт говорит о его полноценности, умении творчески и самостоятельно мыслить. И именно это выделяло его среди общей серой массы, которая «плыла по течению», не задумываясь о перипетиях своего бытия. Ведь на протяжении многих исторических веков считалось нужно жить сообща, одинаково как все, и не выделяться.

Критики отмечают, что нетипичные и нестандартные взгляды этого мельника на религию, церковь, земные порядки и космогонию несводимы ни к одной из прочитанных им книг. «Архаичные крестьянские верования, отдельные положения из немногих книг, случайно попавших к Меноккио, а также его собственное богатое воображение и породили удивительный сплав его идей», - именно к такому выводу приходит итальянский исследователь.

И последняя работа, важная для нашей темы - это книга английского историка Питера Берка «Историческая антропология Италии начала нового времени» 1987 г. издания.

Книга имеет подзаголовок: «Очерки [по истории] восприятия и общения». В обширном введении дается характеристика самому направлению, получившему название «исторической антропологии». Само описание исследования состоит из двух частей: в одной изучаются способы восприятия действительности или «коллективные представления», в другой – формы общения итальянцев в XVI – XVIII вв.

Автор рассматривает переписи, регулярно проводившиеся в тот период в итальянских городах, как способ социальной классификации и форму представлений общества о самом себе. В других главах анализируются представления современников о святости, о нищих и мошенниках. Особый интерес представляют очерки о способах и формах общения и, в частности, об устной речи. Автор реконструирует «этнографию устной речи», вместе с тем и устную культуру Италии начала нового времени в письме. Он изучает различные способы применения письма в коммерции, в семье, в церкви, государственном управлении, ритуалах и праздничных церемониях.

Несколько неожиданно для читателя, но вполне обоснованно, комментирует Михаил Кром, выглядит трактовка П. Берком оскорбления как «акта коммуникации», будь это жестом, словом, посредством позорящих надписей или рисунков, направленного против индивида или группы лиц. Автор предпринимает попытку реконструировать «систему оскорблений», со свойственными ей «правилами», стереотипами, условностями.

В другой главе – 11-й - П.Берк убедительно показывает, что и ренессансный портрет может рассматриваться не только как произведение искусства, свидетельствующее о вкусе и мастерстве художника, но и как отражение представлений портретируемого о самом себе, о своей роли в обществе. Картина обладает определенным символическим кодом, который историк должен суметь расшифровать.

Разумеется, замечает М. Кром, список новаторских историко-антропологических исследований, появившихся в 70–80-х годах, отнюдь не исчерпывается теми работами, о которых шла речь в этом разделе. За рамками рассмотрения остались книги многих авторов, однако работы этих четырех выдающихся историков отражают очень важную тенденцию в развитии современной науки - это поворот к микроистории.

Действительно, общим для всех авторов, чьи сочинения были прокомментированы в этом разделе, при всем различии сюжетов, индивидуальных исследовательских методик и стиля написания, выступает общий объект изучения. Это ограниченный во времени и пространстве либо один город или одна деревня, или же необычная биография «человека из народа», как в книгах К.Гинзбурга и Н.З.Дэвис.

Подводя итог, российский автор пишет, что эта тенденция в 70-80-е годы получила широкое распространение, однако не стала всеобщей. Дифференцированность в подходах сказалась в предложенных тогда многими историками теоретических подходах к определению «исторической антропологии». Что еще раз подтверждает мысль о вариативности подходов, о множестве путей и многообразии интерпретаций смыслов, которые вкладываются в понимание того, что представляет собой «историческая антропология».

Книга: Историческая антропология

Лекция: Классика исторической антропологии 70 – 80-х годов (избранные работы)

Автор лекции: Алия Масалимова

Основные термины

Микроистория, кейс-стади, обычай «шаривари», «народная культура»

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Кром М.М. Историческая антропология: Пособие по лекционному курсу. - СПб., 2000.
2. Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294-1324). - Екатеринбург, 2001.
3. Дэвис Н. З. Возвращение Мартена Герра. - М., 1990.
4. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. - М., 2000.
5. Бёрк П. Антропология итальянского Возрождения // Одиссей. Человек в истории. - М., 1994.